УДК 330.88, 330.837.2, 330.101.22
DOI: 10.17223/19988648/32/6

Е.А. Фролова, Э.Т. Ушакова

ЭЛЕМЕНТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ

Представлена авторская модель институционального механизма социальной ответственности экономических субъектов. Механизм реализации института социальной ответственности включает три взаимосвязанных элемента: механизм интериоризации нормы социальной ответственности, механизм стимулирования просоциального поведения и механизм адаптации и трансформации нормы социальной ответственности. Каждый компонент институционального механизма социальной ответственности обеспечивает согласование интересов экономических субъектов и разрешение социальных дилемм на разных этапах их взаимодействия. Предложенная модель институционального механизма имеет широкое практическое значение в части институционального проектирования и повышения эффективности институциональной системы современной экономики.

Ключевые слова: социальная ответственность, институциональная система, институциональный механизм, прямая взаимность, косвенная взаимность, санкционный механизм, репутационный механизм, социальные дилеммы.

В процессе эволюции хозяйственной системы и ее институтов постепенно развиваются не только нормы и правила экономического поведения субъектов, но и механизмы, обеспечивающие реализацию данных норм, – институциональные механизмы. В современной социально ориентированной рыночной экономике сформировался особый институциональный механизм, позволяющий сочетать принципы экономической выгоды рыночной системы и ценности национального благополучия, которые невозможно свести лишь к максимизации материальной выгоды. Постиндустриальный этап экономического развития (информационная эпоха, экономика качества жизни) во главу угла ставит широкую трактовку благополучия человека. Недаром категории «благосостояние» и «благополучие» не являются тождественными, несмотря на то, что эти слова однокоренные. Как отмечает Е. Гонтмахер, в современных условиях «...намного больше ценится как с точки зрения общества, так и отдельного индивида – душевное равновесие, достоинство, соблюдение прав личности, нравственность... Новое осмысление системы ценностей, реализация принципов самоограничения материального потребления, усиление социальной ориентации общественного развития вместе с продолжающейся технологической революцией на базе ресурсосбережения и быстрого роста производительности труда сильно меняет структуру экономической активности и занятости» [1. С. 7]. В результате происходит изменение структуры экономической активности, что сопровождается и дополняется

изменениями как общего институционального механизма, так и отдельных его частей.

Рассматривая эволюцию институционального механизма в целом, Н.Н. Лебедева отмечает, что институциональный механизм социально ориентированной экономики можно назвать уравнивающим, так как он представляет собой механизм согласования разнонаправленных требований институтов общественного регулирования и свободного частного предпринимательства [2. С. 157]. Однако следует упомянуть, что помимо функции согласования институциональный механизм социально ориентированного хозяйства обеспечивает реализацию широкой совокупности целей и ценностей хозяйственного развития, в том числе высокий уровень экономической эффективности и конкурентоспособности хозяйственной системы, а также способствует реализации принципов личной и социальной ответственности за благополучие каждого члена общества. Таким образом, институциональный механизм социальной ответственности следует рассматривать как инструмент согласования интересов экономических субъектов на базе сформированной универсальной нормы социальной ответственности.

Институциональный механизм в системе социальной ответственности с учетом особенностей данного института и форм его реализации следует рассматривать как системное единство трех взаимозависимых элементов:

- механизма интериоризации нормы социальной ответственности, который обеспечивает формирование устойчивых убеждений экономических субъектов;
- механизма стимулирования просоциального поведения, который включает в себя совокупность условий и приемов, обеспечивающих трансформацию убеждений экономических субъектов в стратегию и тактику повседневных действий;
- механизма поддержания, адаптации и трансформации нормы социальной ответственности, который обеспечивает ее устойчивость в длительной перспективе под влиянием изменений окружающей среды.

Это деление в существенной степени условно, так как процесс реализации института социальной ответственности и, вследствие этого, институционального механизма социальной ответственности является непрерывным, поэтому механизмы интериоризации плавно перетекают в механизмы стимулирования и трансформации (рис. 1).

Каждый компонент институционального механизма социальной ответственности характеризуется совокупностью конкретных действий, обеспечивающих его функционирование. Однако эти действия в определенной мере зависят от свойств института, реализацию которого обеспечивает данный механизм. Институт социальной ответственности по совокупности признаков относится к группе неформальных институтов, таким образом, институциональный механизм не может опираться только на силу организованных субъектов принуждения в лице государства. Напротив, институциональный механизм социальной ответственности обладает свойствами внутреннего механизма, основанного на принципах самоорганизации. В этой связи основные компоненты институционального

механизма социальной ответственности приобретают специфические черты, обусловленные свойствами института социальной ответственности, о которых мы говорили ранее [3].

Рис. 1. Компоненты институционального механизма социальной ответственности

Механизм интериоризации нормы социальной ответственности включает широкую совокупность приемов, направленных на стимулирование кооперации и коммуникации. Механизмы коммуникации обеспечивают передачу опыта, распространение информации об эффективных хозяйственных практиках, формируют убеждения и рутины экономических субъектов. Причем в данном контексте следует говорить как о непосредственном взаимодействии экономических субъектов, так и о влиянии институциональных субъектов, которые распространяют позитивный хозяйственный опыт на неограниченное число лиц.

Рассматривая механизмы коммуникации при участии институциональных субъектов, А. Аузан отмечает: «Гипотеза Инглхарта о ранней взрослости касается времени формирования ценностей. В соответствии с этой гипотезой возраст от 18 до 25 лет (возраст обучения в университетах) является наиболее благоприятным для кристаллизации новых ценностей, которые затем, в более старших возрастах, становятся устойчивыми и начинают формировать, по мере роста влияния поколения, общую картину общественной жизни в стране... Одновременное распространение образования, доступ к высшему образованию создают гораздо более динамичные и эффективные механизмы социализации, которые могут приводить к быстрым сдвигам» [4. С. 176].

Таким образом, распространение нормы социальной ответственности, формирование убеждений в необходимости и эффективности социально ответственного поведения на фундаменте образовательной системы как высшего профессионального, так и более низких образовательных ступеней в русле стратегии непрерывного образования – это один из эффективных механизмов интериоризации нормы социальной ответственности.

Механизмы коммуникации экономических субъектов, в первую очередь непосредственного взаимодействия, создают реальные барьеры для оппортунистического поведения. В данном контексте следует сослаться на мнение П. Ореховского, который отмечает, что для формирования эффективной системы стимулов и санкций необходимо интерактивное взаимодействие экономических субъектов, позволяющее рассматривать альтруизм как «долгосрочную» рациональность, когда субъекты зарабатывают репутационный капитал, что приводит к максимизации выгод и минимизации потерь в длительном периоде [5. С. 23–24]. Важность коммуникационных механизмов в интериоризации нормы социальной ответственности также упоминает в своей работе И. Дискин: «В концентрической модели ответственности уровень социальной ответственности снижается по мере удаленности от людей пространства социальных отношений» [6]. Таким образом, уменьшение степени и пространства социальной активности экономических субъектов, изоляция и самоизоляция в повседневной деятельности приводят к разрушению социальных связей, вследствие чего реализация нормы социальной ответственности не рассматривается экономическими субъектами как необходимое условие повседневной хозяйственной деятельности. Здесь следует говорить именно о непосредственном, личном взаимодействии субъектов, а не о широко распространенных сейчас виртуальных социальных сетях, где отсутствуют адекватные инструменты формирования и поддержания репутации, поэтому оппортунизм может приобретать глобальные масштабы.

Широко представлены зарубежные исследования, в которых доказано позитивное влияние коммуникации на социально ответственное поведение и, в частности, на формирование социально ответственных убеждений. Например, в своих работах Р. Доу отмечает непосредственное влияние коммуникации на просоциальные убеждения и поведение, что позволяет решать существующие социальные дилеммы [7, 8]. Как считает П. Коллок, позитивное влияние коммуникации на просоциальные убеждения может объясняться несколькими эффектами. В первую очередь коммуникации позволяют аккумулировать информацию о том, как другие субъекты принимают решения, и использовать ее для выбора наиболее эффективной стратегии поведения. Также коммуникации позволяют расположить к себе партнера (контрагента) и сформировать у него адекватные ожидания относительно будущих действий данного субъекта. Дополнительно коммуникация формирует моральную вовлеченность субъекта, позволяя ему оценивать происходящее по шкале «хорошо – плохо» и использовать эти оценки в процессе принятия решений. Таким образом, коммуникации формируют групповую идентичность субъекта, распространяя норму социальной ответственности среди членов сообщества [9. Р. 194].

Неотъемлемым компонентом механизма интериоризации социальной ответственности также являются механизмы кооперации, в первую очередь механизмы взаимности. Как отмечает М. Заггл, механизмы кооперации играют такую же роль в институциональном дизайне или дизайне

механизмов? как физические законы для инженеров [10. Р. 198]. Механизмы взаимности (реципрокности) включают в себя следующие виды взаимности:

1. Прямую взаимность. Она обеспечивает кооперацию между автономными экономическими субъектами, не связанными между собой родственными отношениями. Основана на взаимных ожиданиях будущего кооперативного поведения. Используется в случае повторяющегося взаимодействия: субъект будет вести себя кооперативно, если ожидает, что в будущем ему предстоит взаимодействовать с тем же партнером, и партнер, в свою очередь, также будет вести себя кооперативно, обеспечивая не только собственную выгоду, но и выгоду контрагента. Самой распространенной стратегией такого рода является описанная Р. Аксельродом стратегия «ты мне – я тебе» (Tit-for-Tat). Кооперативное поведение реализуется и приносит выгоды до тех пор, пока один из партнеров во взаимодействии не становится оппортунистом. Реализация этой стратегии возможна только в условиях повторяющихся взаимодействий в локальной социальной группе, когда существует возможность точной идентификации партнера и доступна информация о его поведении в прошлом. Эффективность механизма прямой взаимности зависит от степени соблюдения базовых условий: отсутствия зависти к партнеру; стремления к кооперации, если партнер также ведет себя кооперативно; ограниченной или адаптивной рациональности, стремления к кооперации, даже когда партнер склонен к оппортунистическому поведению. Однако в рамках современной хозяйственной системы прямая взаимность ограничена спектром повторяющихся взаимодействий в пределах локальных сообществ. Повседневная жизнь экономических субъектов, напротив, часто строится на взаимодействии субъектов, которые ранее не встречались друг с другом и, скорее всего, повторения взаимодействия также не будет. В этом случае эффективная кооперация будет основана на механизмах косвенной взаимности.

2. Косвенная взаимность (реципрокность). Она предусматривает кооперативное поведение в отношениях с данным конкретным субъектом в силу ожиданий, что в будущем помимо этого субъекта остальные партнеры также будут вести себя кооперативно. Таким образом, косвенная взаимность формирует репутацию и социальный статус субъекта. С точки зрения института социальной ответственности данный механизм представляет особый интерес, так как он обеспечивает взаимодействие и согласование интересов не только тех субъектов, которые объединены в локальных сообществах и поддерживают друг друга, будучи связанными долгосрочными взаимными обязательствами, но и главным образом тех, кто в рамках спонтанной самоорганизации вступает во взаимодействие с партнерами за пределами локальных сообществ, формируя бриджинговый социальный капитал и обеспечивая распространение нормы социальной ответственности среди широких социальных сетей.

3. Строгая взаимность (реципрокность) – альтруистическое наказание. Предполагает участие в санкционном механизме не только тех субъектов, которые заинтересованы в получении конкретного результата, но и третьих лиц, которые поддерживают норму социальной ответственности в случае ее нарушения, даже если лицо, в отношении которого данная норма нарушена,

не знает об этом. В результате наложение взыскания не только не приносит каких-либо выгод для субъекта, который его реализует, но даже сопровождается для него дополнительными невозвратными издержками. Э. Фер и У. Фишбахер в данном контексте отмечают, что строгая взаимность формирует мощный стимул для сотрудничества даже в неповторяющихся взаимодействиях и когда репутационные механизмы отсутствуют, так как субъекты будут наказывать тех, кто уклоняется от сотрудничества, и вознаграждать тех, кто сотрудничает [11. Р. 785]. В этом случае важными являются причины, которые заставляют субъектов участвовать в наложении санкций, даже когда они не приносят выгоды и сопровождаются дополнительными расходами. Такое поведение противоречит принципам рациональности, в соответствии с которыми утверждается: «Необходимым условием сотрудничества в общественном взаимодействии является перспектива положительных ожидаемых выгод всеми сторонами или перспектива того, что не будет тех, кто окажется в чистом проигрыше» [12. С. 36]. Одна из гипотез, которая позволяет объяснить это несоответствие целей рационального экономического субъекта и действий, которые он предпринимает, основана на психологии социального поведения, а именно, оппортунизм вызывает сильные негативные эмоции, и именно эти эмоции становятся катализатором желания наказать нарушителей» [13. Р. 139].

Таким образом, механизмы коммуникации и кооперации обеспечивают интериоризацию социальной ответственности. Субъекты, получая информацию о партнерах, их репутации, о возможных санкциях и степени влияния санкций на благосостояние, формируют ожидания, направленные на использование процедур согласования интересов, так как совокупный эффект от этих действий выше, чем результат, который можно получить, преследуя свои интересы «с использованием коварства».

Механизмы стимулирования просоциального поведения дополняют механизмы интериоризации нормы социальной ответственности, позволяя проверить на практике устойчивость данного института и оценить степень эффективности его реализации в повседневной деятельности экономических субъектов. Стимулирование просоциального поведения основано на механизмах санкций, компенсаций, демонстрации эффективности кооперации. В случае социальных дилемм с неограниченным количеством участников, в условиях отсутствия существенных барьеров входа / выхода из сообщества, механизмы стимулирования просоциального поведения должны обеспечивать выявление экономических субъектов, которые вносят существенный вклад в поддержание и развитие института социальной ответственности, способствуя тем самым повышению эффективности взаимодействия и росту благополучия человека и общества.

Один из самых важных механизмов стимулирования просоциального поведения – это механизм демонстрации эффективности индивидуальных действий. Участники многих социальных дилемм часто сомневаются в том, что их индивидуальные действия могут иметь какой-либо социально значимый эффект, что в конечном итоге создает проблему безбилетника. Экономические субъекты полагают, что в масштабах больших сообществ их действия, направленные на максимизацию индивидуального благосостояния,

не окажут существенного негативного влияния на общественное благосостояние: если данный конкретный индивид не будет платить налоги, государство не будет отказываться от финансирования общественных проектов; если отдельный индивид будет заниматься сортировкой и переработкой бытовых отходов, то в глобальном масштабе уровень загрязнения окружающей среды вряд ли уменьшится, и т.д. И только в том случае, если экономический субъект сможет увидеть реальное влияние его собственных индивидуальных решений на общее благополучие, он будет склонен к просоциальному поведению. Причем важна именно уверенность, которая формируется у экономического субъекта, в том, что его вклад критически важен для обеспечения общего блага, даже если реальная экономическая оценка полученного эффекта стремится к нулю или отрицательна.

Как отмечают исследователи [14, 15], если большая часть участников коллективных действий уверены, что их активность приносит существенный эффект в производстве общественных благ, даже в том случае, когда размер группы очень большой и взаимосвязи между членами группы слабые, субъекты будут склонны к просоциальному поведению. Таким образом, необходимы механизмы, которые позволяют четко соотнести вклад каждого экономического субъекта и эффективность производства общественного блага. В случае благотворительности, например, это закрепление за субъектами конкретных лиц, нуждающихся в помощи (например, практика опекунов над животными в Московском зоопарке).

Структура компенсаций также определяет совокупность стимулов и мотивов просоциального поведения. Как мы уже отмечали ранее, субъекты будут склонны к просоциальному поведению, если ожидают получить дополнительные выгоды от своих действий (прямая и косвенная реципрокность). Однако с учетом просоциальных предпочтений экономических субъектов важна не только абсолютная величина выгод или потерь, но и структура их распределения между субъектами. Ряд авторов отмечают, что уровень кооперации значительно возрастает, если выгоды в большей мере получают партнёры по взаимодействию, а не те субъекты, которые инициируют кооперацию [16]. Но это правило будет действовать только для тех экономических субъектов, которые обладают выраженными просоциальными предпочтениями, в то время как для основной массы экономических агентов необходимы дополнительные стимулы, в первую очередь нематериальные, чтобы поддерживать не только эффективность, но и ценности социально ответственного поведения.

Разработка санкционного механизма в случае института социальной ответственности представляет особую сложность. Она обусловлена одним существенным обстоятельством – большим числом участников взаимодействия, что приводит к дополнительным затратам на поиск и наказание нарушителя. Во многих случаях затраты на мониторинг и наложение санкций оказываются больше, чем выгоды, которые можно получить от санкционного механизма. В результате эффективная система санкций становится самостоятельным общественным благом, поддержание которой также требует дополнительных затрат. В случае формальных

институтов затраты компенсируются за счет общественных фондов потребления, в то время как в случае неформальных институтов, к коим относится институт социальной ответственности, не существует объективных оснований использования государственной силы принуждения.

Как показывают исследования, административные и финансовые санкции в случае нарушения нормы социальной ответственности не приносят желаемого результата. Причем основную роль играет не столько отсутствие жестких механизмов принуждения к исполнению правил, сколько своеобразный психологический эффект, описанный в том числе в работе С. Боулза. Автор приводит пример неэффективного правила, введенного в одном из детских садов Израиля, где для сокращения опозданий родителей ввели дополнительную плату за присмотр за ребенком сверх установленного правилами времени, и как показала практика, эта инициатива не только не снизила количество опозданий, но и увеличила их. Фактически такие санкции становятся своеобразной платой за нелегитимное поведение и снимают проблему вины за нарушение правил.

В случае института социальной ответственности основная часть эффективных санкций – это моральное осуждение. Практически нет административных и финансовых инструментов наказания. Причем подобные санкции имеют двусторонний характер, т.е. они исходят как со стороны партнеров по взаимодействию, так и являются эндогенными, т.е. экономический субъект, допустивший нарушение правила, наказывает сам себя. Рассматривая в том числе политические институты, многие ученые полагают [17. Р. 9], что самой сильной и эффективной санкцией даже в отношении формальных норм является неформальное принуждение.

К особой разновидности неформальных санкций также относится альтруистическое наказание, которое, по мнению Э. Фера и С. Гёчтера, является ключевым механизмом стимулирования кооперативного поведения [13. Р. 137]. Альтруистическое наказание авторы рассматривают как совокупность санкций, которые субъекты накладывают на нарушителей нормы даже в том случае, когда данные санкции сопровождаются дополнительными затратами и не приносят никакой выгоды для лиц, осуществляющих наказание. Основа альтруистического наказания, как мы уже отмечали ранее, это негативные эмоции, которые формируются по отношению к нарушителям и заставляют их придерживаться стратегии повышения не только собственного, но и общественного блага.

Еще одна разновидность санкций для неформальных институтов – это остракизм. Остракизм как исключение субъекта из сообщества либо как игнорирование его интересов другими членами сообщества, вплоть до отказа от коммуникации, является эффективным санкционным механизмом только для закрытых сообществ. Следует отметить, что остракизм не всегда приводит к желаемым результатам, так как некоторые субъекты, подвергшиеся действию данных санкций, склонны к еще большему нарушению нормы социальной ответственности. В открытых социальных сообществах эффективность остракизма стремится к нулю, так как субъект практически не встречает препятствий в мобильности между сообществами, при этом сформированный ранее социальный капитал и репутация не играют

весомой роли в процессе перехода. На микроуровне (в рамках поведения отдельных индивидов) в современной социально-экономической системе остракизм практически не применяется в силу высокой вертикальной, горизонтальной и территориальной мобильности населения. Вместе с тем остракизм приносит хорошие результаты в рамках профессиональных сообществ (в том числе субъектов предпринимательской деятельности), где поддержка членов сообщества является ключевым фактором личного и профессионального успеха, поэтому опасность исключения из сообщества заставляет субъектов придерживаться установленных норм, в том числе в процессе принятия решений учитывать не только собственные интересы, но и интересы других членов сообщества. Также важным фактором роста эффективности остракизма как санкции института социальной ответственности являются предпочтения относительно будущего, которыми обладают экономические субъекты. Как установили Д. Баллиет и Д.Л. Феррис, остракизм вызывает укрепление социальных ценностей и предпочтений в том случае, если субъекты имеют долгосрочные ожидания относительно будущего, в том числе адекватно оценивают перспективы взаимодействия с членами сообщества. Субъекты с коротким временным горизонтом планирования, напротив, рассматривают остракизм как несправедливое наказание, сокращают степень социального взаимодействия и укрепляют социальные дилеммы [18].

Механизм поддержания, адаптации и трансформации нормы социальной ответственности построен главным образом на основе репутационных механизмов и институционального проектирования. Репутационные механизмы являются частью механизмов косвенной взаимности, так как организуют взаимодействие лиц, которые ранее не имели опыта совместной деятельности, поэтому недостаточно знают друг о друге. Репутационные механизмы способствуют реализации института социальной ответственности, стимулируя просоциальное поведение на основе просоциальных предпочтений и поддерживая норму социальной ответственности путем распространения информации о добросовестных деловых практиках и заслуживающих доверия партнерах. Как отмечают Д. Кремер и П. ван Ланге, субъекты с просоциальными предпочтениями испытывают более сильное чувство социальной ответственности, которое напрямую связано с кооперативным поведением в социальных дилеммах [19. Р. S9].

Репутация – сложный объект для оценки и измерения, так как формируется из совокупности сведений о действиях субъекта в прошлом, распространяется при помощи неформальных контактов и в существенной мере зависит от того, насколько качественно эти сведения передаются по цепочке. Появление в каналах распространения репутации лиц, которые в силу объективных причин либо по злему умыслу искажают сведения об экономическом субъекте, приводит к непоправимому ущербу репутации, что негативно влияет на деятельность экономического субъекта в целом. Репутация является частью социального капитала субъекта, так как основана на совокупности социальных и деловых связей, формирует сети доверия, масштабы которых определяются механизмами создания и распространения

репутации. Как считают М. Новак и К. Сигмунд, в случае косвенной взаимности индивиды, которые помогают другим людям, предоставляя поддержку, обеспечивают вклад в создание репутации, и экспериментальные исследования подтверждают, что индивиды предпочитают помогать тем, кто имеет хорошую репутацию [20. Р. 573]. К похожим выводам пришли и другие авторы [21].

Репутация связана также с другими элементами институционального механизма социальной ответственности, в том числе с механизмом санкций. Как мы уже отмечали ранее, все санкционные механизмы несовершенны и в зависимости от их строения, а также совокупности внешних условий часто менее эффективны, чем предусматривалось в процессе их разработки. Формальные механизмы санкций опираются на государственное принуждение, что ведет к дополнительным расходам и проблемам в процессе выявления соотношения между степенью нарушения нормы и уровнем санкций в процессе обеспечения справедливости наказания. Неформальные механизмы эффективны в случае высокого уровня социальной интеграции субъектов и склонности к альтруистическому наказанию. В условиях, когда санкционные механизмы страдают от низкой эффективности, репутационные механизмы позволяют заполнить вакуум координации. Таким образом, репутационные и санкционные механизмы дополняют друг друга и создают среду, где не требуется частое использование дорогостоящего принуждения [22, 23].

Репутационные механизмы зависят от размеров сообщества, в котором происходит взаимодействие экономических субъектов. В рамках общего правила чем масштабнее сообщество, тем слабее связи между отдельными его участниками, тем меньше вероятность повторения взаимодействия, тем более важна репутация при выборе партнера для сделки, но одновременно меньше возможность аккумулировать репутационные очки в силу большой рассеянности знания. В идеале репутационные механизмы должны работать в масштабах всего общества, формируя устойчивое деперсонифицированное доверие, поддерживая норму социальной ответственности на основе спонтанной самоорганизации. В реальной практике репутационные механизмы более эффективно работают в случае локальных сообществ и закрытого социального капитала, в результате социальные нормы, в том числе норма социальной ответственности, «принимают форму традиций, и приверженность к ним в интересах индивида существует лишь в случае, когда большинство также им следует» [24. С. 12]. Таким образом, норма социальной ответственности закрепляется первоначально в локальных сообществах, получая распространение по мере расширения границ сетей доверия экономических субъектов.

Репутационные механизмы, построенные в условиях самоорганизации экономических субъектов, более устойчивы, чем механизмы, внедренные по инициативе административных структур, в том числе органов власти, так как, будучи самостоятельным общественным благом, способствуют устранению ошибок второго рода – недоверия к самим механизмам формирования репутации и не требуют дополнительных инструментов контроля за функционированием этих механизмов. Как подчеркивают Э. Фер и С. Гёчтер,

большинство людей уверены, что они вызывают сильные негативные эмоции, если уклоняются от своих обязательств по финансированию общественного блага [13. Р. 139], поэтому можно утверждать, что субъекты с просоциальными предпочтениями будут поддерживать репутацию в целях сохранения и преумножения имеющегося социального капитала. Особенно отчетливо репутационные механизмы проявляются в случае корпоративной социальной ответственности, когда компания, позиционируя себя как социально ответственного субъекта, формирует деловую репутацию, распространяя практику добросовестных деловых отношений и расширяя сферу реализации института социальной ответственности.

Информационная открытость в области корпоративной социальной ответственности и в том числе в рамках повседневной хозяйственной деятельности позволяет четко соотнести действия, предпринимаемые бизнесом в области решения социальных дилемм, и цели, которые ставит перед собой компания. Напротив, анонимность в хозяйственной практике стимулирует оппортунистическое поведение, повышая степень неопределенности и риска. В данном контексте мировой финансово-экономический кризис 2008 г. часто объясняют легитимными, но безответственными действиями «Неизвестных Отцов» (термин Аркадия и Бориса Стругацких), которые в погоне за сиюминутной прибылью обрушили мировую финансовую систему, но «явки и пароли» до сих пор за семью печатями, что снижает уровень доверия к финансовым институтам, заставляя создавать все более масштабные, но неэффективные механизмы финансового контроля для предотвращения подобной ситуации в будущем.

Подводя итоги, следует еще раз отметить тесную взаимосвязь и взаимозависимость элементов институционального механизма социальной ответственности, которые за счет своего многообразия обеспечивают устойчивость, формируют органическую целостность [25. С. 102–103] системы социальной ответственности, обеспечивают упорядоченность элементов данной системы, согласование интересов экономических субъектов, способствуют разрешению социальных дилемм в современной хозяйственной системе.

Литература

1. Гонтмахер Е. Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизационные ориентиры // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 10. С. 3–11.
2. Лебедева Н.Н. Институциональный механизм экономики и его трансформация в России: дис. ... д-ра экон. наук. Волгоград, 2002. 385 с.
3. Ушакова Э.Т., Фролова Е.А. Институциональные свойства социальной ответственности экономических субъектов // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2013. № 3. С. 38–51.
4. Аузан А. Социокультурные коды в экономическом анализе // Журнал новой экономической ассоциации. 2013. № 1. С. 173–176.
5. Ореховский П. Критика нравственных оснований нормативной экономики. М.: Институт экономики РАН, 2014. 44 с.
6. Дискун И. Россия, которая возможна // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 3. С. 165–182.
7. Dawes R. Social Dilemmas // Annual Review of Psychology. 1980. Vol. 31. P. 169–193,

8. Dawes R., McTavish J., Shaklee H. Behavior, communication and assumptions about others people's behavior in a commons dilemma situations // *Journal Personal Social Psychology*. 1977. Vol. 35. P. 1–11.
9. Kollock P. Social Dilemmas: The Anatomy of cooperation // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 183–214.
10. Zaggi M. Eleven mechanisms for the evolution of cooperation // *Journal of Institutional Economics*. 2014. Vol. 10. Issue 2. P. 197–230.
11. Fehr E., Fischbacher U. The nature of human altruism // *Nature*. 2003. Vol. 425. P. 785–791.
12. Зароостровцев А. Либеральная политическая экономия и философия Дж. Бьюкенена // *Вопросы экономики*. 2013. № 11. С. 34–52.
13. Fehr E., Gächter S. Altruistic punishment in humans // *Nature*. 2002. Vol. 415. P. 137–140.
14. Klandermans B. Individual behavior in real life social dilemmas: a theory and some research results // *Experimental social dilemmas*. Frankfurt: Verlag Peter Lang, 1986. P. 87–111.
15. Moe T.M. The organization of interests: incentives and internal dynamics of political interest groups. Chicago, University of Chicago Press, 1980.
16. Kelley H.H., Grzelak J. Conflict between individual and common interest in an N-prisoner dilemma // *Journal of Personal and Social Psychology*. 1972. Vol. 21. P. 190–197.
17. Voigt S. How (Not) to measure institutions // *Journal of Institutional Economics*. 2013. Vol. 9. P. 1–26.
18. Balliet D., Ferris D.L. Ostracism and prosocial behavior: A social dilemma perspective // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2013. Vol. 120. P. 298–308.
19. Cremer D., Lange van P.A. Why prosocials exhibit greater cooperation than proselves: the role of social responsibility and reciprocity // *European Journal of personality*. 2001. Vol. 15. P. S5–S18.
20. Nowak M.A., Sigmund K. Evolution of indirect reciprocity by image scoring // *Nature*. 1998. Vol. 393. P. 573–577.
21. Wedelkind C., Milinski M. Cooperation through image scoring in humans // *SCIENCE*. 2000. Vol. 288. P. 850–852.
22. Teraji S. A theory of norm compliance: punishment and reputation // *The Journal of Socio-economics*. 2013. Vol. 44. P. 1–6.
23. Bolton G., Katok E., Ockenfels A. Cooperation among strangers with limited information about reputation // *Journal of public economics*. 2005. Vol. 89. P. 1457–1468.
24. Боулз С. Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция. М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2010. 576 с.
25. Ушакова Э.Т. Регулируемость рыночной экономики. Томск: Изд-во НТЛ, 2000. 308 с.

E.A. Frolova¹, E.T. Ushakova²

¹*Department of Economics, Institute of Humanities, Social Sciences and Technologies, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia;*

Department of General and Applied Economics, Faculty of Economics, National Research Tomsk State University. E-mail: fea78@mail.ru

²*Department of General and Applied Economics, Faculty of Economics, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia*

DOI: 10.17223/19988648/32/6

THE ELEMENTS OF THE INSTITUTIONAL MECHANISM OF ECONOMIC AGENTS' SOCIAL RESPONSIBILITY

Keywords: Social responsibility; System of institutions; Institutional mechanism; Direct reciprocity, Indirect reciprocity; Sanctions, Reputation, Social dilemmas

Today's socially-oriented market economy produced a special institutional mechanism that enables to comprise the principles of economic benefits of a market system and values of the national well-being.

Taking into account the features of the institutions and modalities of its implementation, the institutional mechanism within the system of social responsibility should be seen as a systemic unity of three interdependent elements:

1. The mechanism of internalization of social responsibility norms that includes a wide-ranging set of methods aimed at promoting cooperation and communication. Communication mechanisms ensure the transfer of experience and dissemination of information on effective business practices, as

well as shape views and routines of economic entities. Communication mechanisms of economic entities, primarily, designed for direct interaction, create real barriers for opportunistic behavior. Mechanisms of cooperation, especially, mechanisms of reciprocity are also an integral component of the mechanism of internalization of social responsibility. Mechanisms of reciprocity include:

- Direct reciprocity. It ensures cooperation between unrelated autonomous economic entities. They are based on mutual expectations of prospective cooperative behavior.

- Indirect reciprocity provides for cooperative behavior emerging in relationships with a particular entity due to expectations that other partners will also behave cooperatively in the future.

- Strict reciprocity – altruistic punishment. Apart from entities interested in obtaining a specific result, third parties that advocate the norm of social responsibility in case of its violation are also expected to participate in a sanctions mechanism, even if an individual, in respect of which this norm is broken, is not aware of it.

2. Mechanisms to promote prosocial behavior complement the mechanisms of internalization of the social responsibility norm, allowing to put the stability of the institution to the test, and to assess the level of efficiency of its implementation in the everyday activities of economic entities. Stimulation of prosocial behavior based on the mechanisms of sanctions, compensations, and the demonstration of cooperation effectiveness.

3. The mechanism for promoting, adapting and transforming the norm of social responsibility is based primarily on the reputation mechanisms and institutional design. Reputation mechanisms are a part of the indirect reciprocity mechanisms, since they organize the interaction of individuals who have no experience of joint activities, so they do not possess sufficient information about each other. Reputation is associated with other elements of the institutional mechanism of social responsibility, including the sanctions mechanism. While sanctions mechanisms suffer from low efficiency, reputation mechanisms enable to fill the vacuum of coordination. Thus, reputational and sanctions mechanisms complement each other and create an environment that does not require frequent use of expensive coercive measures.

Eventually, it necessary to emphasize the fact that strong interrelation and interdependence of the elements of the institutional mechanism of social responsibility, which due to their diversity, provide sustainability and integrity to the system of social responsibility, ensure orderliness of the system elements, coordination of interests of economic entities, contribute to the resolution of social dilemmas within the current economic system.

References

1. Gontmakher E. Rossiyskaya modernizatsiya: institutsional'nyye lovushki i tsivilizatsionnyye oriyenty. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2010, no. 10, pp. 3-11.
2. Lebedeva N. N. *Institutsional'nyy mekhanizm ekonomiki i ego transformatsiya v Rossii. Dr. ekon. nauk diss.* [The institutional mechanism of economy and its transformation in Russia. Dr. Econ. Sci. Diss.]. Volgograd, 2002. 385 p.
3. Ushakova E.T., Frolova E.A. Institutsional'nyye svoystva sotsial'noy otvetstvennosti ekonomicheskikh sub'yektov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*, 2013, no. 3, pp. 38-51.
4. Auzan A. Sotsiokul'turnyye kody v ekonomicheskom analize. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii – Journal of the New Economic Association*, 2013, no. 1, pp. 173-176.
5. Orekhovskiy P. *Kritika нравственных оснований нормативной экономики* [Criticizing the Moral Foundations of the Regulatory Economics]. Moscow, Institute of Economics, RAS Publ., 2014. 44p.
6. Diskin I. Rossiya, kotoraya vozmozhna. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, 2011, no. 3, pp. 165-182.
7. Dawes R. Social dilemmas. *Annual Review of Psychology*, 1980, vol. 31, pp. 169-193.
8. Dawes R., McTavish J., Shaklee H. Behavior, communication and assumptions about others people's behavior in a commons dilemma situations. *Journal Personal Social Psychology*, 1977, vol. 35, pp. 1-11.
9. Kollock P. Social dilemmas: the anatomy of cooperation. *Annual Review of Sociology*, 1998, vol. 24, pp. 183-214.
10. Zaggl M.A. Eleven mechanisms for the evolution of cooperation. *Journal of Institutional Economics*, 2014, vol. 10, issue 2, pp. 197-230.
11. Fehr E., Fischbacher U. The nature of human altruism. *Nature*, 2003, vol. 425, pp. 785-791.

12. Zaroostrovtssev A. Liberal'naya politicheskaya ekonomiya i filosofiya Dzh. B'yukenenena. *Voprosy ekonomiki*, 2013, no. 11, pp. 34-52.
13. Fehr E., Gächter S. Altruistic punishment in humans. *Nature*, 2002, vol. 415, pp. 137-140.
14. Klandermans B. *Individual behavior in real life social dilemmas: a theory and some research results. Experimental social dilemmas*. Frankfurt, Verlag Peter Lang, 1986.
15. Moe T.M. *The organization of interests: incentives and internal dynamics of political interest groups*, Chicago, University of Chicago Press, 1980.
16. Kelley H.H., Grzelak J. Conflict between individual and common interest in an N-prisoner dilemma. *Journal of Personal and Social Psychology*, 1972, vol. 21, pp. 190-197.
17. Voigt S. How (Not) to measure institutions. *Journal of Institutional Economics*, 2013, vol. 9, pp. 1-26.
18. Balliet D., Ferris D.L. Ostracism and prosocial behavior: A social dilemma perspective. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2013, vol. 120, pp. 298-308.
19. Cremer D., Lange van P.A. Why prosocials exhibit greater cooperation than proselves: the role of social responsibility and reciprocity. *European Journal of personality*, 2001, vol. 15, pp. 5-18.
20. Nowak M.A., Sigmund K. Evolution of indirect reciprocity by image scoring. *Nature*, 1998, vol. 393, pp. 573-577.
21. Wedelkind C., Milinski M. Cooperation through image scoring in humans. *Science*, 2000, vol. 288, pp. 850-852.
22. Teraji S. A theory of norm compliance: punishment and reputation. *The Journal of Socio-Economics*, 2013, vol. 44, pp. 1-6.
23. Bolton G., Katok E., Ockenfels A. Cooperation among strangers with limited information about reputation. *Journal of Public Economics*, 2005, vol. 89, pp. 1457-1468.
24. Boulz S. *Mikroekonomika. Povedeniye, instituty i evolyutsiya*. Moscow, Delo Publ., 2010. 576 p.
25. Ushakova E.T. *Reguliruyemost' rynochnoy ekonomiki* [The Governing Capacity of the Market Economy]. Tomsk, NTL Publ., 2000. 308 p.

For referencing:

Prolova E.A., Ushakova E.T. Elementy institutsional'nogo mekhanizma sotsial'noy otvetstvennosti ekonomicheskikh sub'yektov [The elements of the institutional mechanism of economic agents' social responsibility]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*, 2015, no. 4 (32), pp. 88-101.